

ВЬЕТНАМ:

ГРЯЗЬ И ПЛАМЯ

Под таким заголовком японская буржуазная газета «Майнити» опубликовала репортажи своих корреспондентов из Южного Вьетнама Сюндзиро Исидзюка и Кэнкити Кониси. Ниже приводится сокращенный перевод этих репортажей.

В ДЕЛЬТЕ МЕКОНГА

ЧЕТЫРЕ провинции в дельте Меконга, которые я посетил, — Динь-Тьонг, Киен-Хоа, Винь-Лонг и Винь-Бинь — считаются наиболее важными в стратегическом отношении. Здесь плодородная земля, обилие воды. Бананы и кокосовые пальмы увешаны тяжелыми плодами. Когда смотришь с вертолета, кажется, что это благословенный край. А между тем здесь каждый месяц происходит более тысячи вооруженных схваток, атак и террористических актов. Многие американцы во Вьетнаме, с которыми я встречался, ждут не дождутся окончания срока службы. Некоторые из них даже не считают нужным скрывать свою ненависть к крестьянам. Я слышал, как один южновьетнамец, оглушенный гневными воплями американского советника по сельскохозяйственным делам, прошептал по-французски: «Вот они какие! Как же они могут рассчитывать на победу в этой войне?»

Как бы то ни было, ясно одно: новая политика американцев значительно усложнила положение во Вьетнаме.

Вот что рассказал мне один вьетнамец:

— По всей вероятности, 20 процентов крестьян в районе дельты поддерживают правительство, а 30 процентов — Вьетконг; остальные 50 процентов настроены безразлично и хотят лишь одного — чтобы условия их жизни улучшились.

Этот человек — капитан южновьетнамской регулярной армии, опытный офицер. Два дня назад ему была объявлена благодарность. И вот этот опытный офицер отмечает, что военные действия — это еще не все.

— Хорошо, что Соединенные Штаты стали понимать это, чего не скажешь про Сайгон. Посobie семье погибшего на войне составляет всего около тысячи пиастров в месяц и выплачивается в течение одного года. Кроме того, может пройти полгода, а то и больше, прежде чем семья начнет его получать, — мрачно заключает он.

Четыре года прошло с тех пор, как покойный американский президент Кеннеди впервые решил вмешаться в военные действия во Вьетнаме. Теперь здесь действуют американская армия, военно-морской флот, военно-воздушные силы и морская пехота, состоящие под общим руководством штаба по оказанию военной помощи; здесь находится также американская миссия, представители Центрального разведывательного управления и американское посольство во главе с Максвеллом Тэйлором... И все-таки Соединенные Штаты страшно запутались в своих операциях нового типа, которые ведутся на рисовых полях и в джунглях.

Коррупция южновьетнамского правительства и должностных лиц и огромный разрыв между богатыми и бедными играют на руку Вьетконгу. Демократия и свобода — все еще дело отдаленного будущего.

Через месяц после падения Нго Динь Дьема американское посольство провело опрос крестьян в провинции Куанг-Дык, к северу от Сайгона. Оказалось, что 80 процентов из них ничего не ведали о государственном перевороте. Газет здесь почти нет, а те, что выходят, печатаются кустарным способом, на мимеографе... Крестьяне мечтают об одном — чтобы их оставили в покое и дали им возможность жить по-своему.

...В перечне терминов вьетнамской войны вы не найдете выражения «линия фронта». Объясняется это тем, что такой вещи не существует.

Там, где слышится ружейная пальба, — там и фронт. Это могут быть рисовые поля, джунгли или городская площадь. Поздно вечером в рождественский сочельник на оживленной торговой улице Сайгона гремит взрыв — и около ста американских офицеров ранено прямо в своей казарме...

— Вьетконговцев нет нигде — и они есть повсюду, — сказал один уставший от этой войны американский капитан.

В кровопролитном бою у Бинь-Гиа, в 60 километрах к юго-западу от Сайгона, которым было отмечено наступление Нового года, вьетконговцы отказались от партизанской тактики и впервые пере-

шли к открытому сражению. Они выставили часть, равную по численности полку, которая шесть дней вела бои с правительственными войсками.

Вьетконг стал сильнее и достиг зрелости. Американские военные советники могут ненавидеть вьетконговцев, но ни один из них теперь не станет их недооценивать. Напротив, американцы питают к ним известное чувство «профессионального уважения».

Полагают, что Вьетконг имеет большие боевые резервы — в общей сложности около 100 тысяч человек. Это молодые крестьяне-партизаны, которые проходят политическую и военную подготовку, чтобы влиться в регулярные войска.

Когда вьетконговцы продвигаются к какому-то объекту, они по дороге в села набирают местные отряды, комплектуя таким путем соединения для атаки.

Пламя, которое вспыхнуло шесть лет назад в одном из уголков полуострова Камо, сейчас превратилось в пожар, охвативший весь Южный Вьетнам.

Уже в 1963 году самодельного вооружения в армии Вьетконга стало почти на 10 процентов меньше, а добытого в боях американского оружия — на 40 процентов больше.

Улучшив положение с боевой техникой, Вьетконг бросил две трети своих отборных частей в район дельты Меконга, чтобы стянуть «стальное кольцо» вокруг Сайгона...

В ОДНОЙ ИЗ ДЕРЕВЕНЬ

РАЙОН Тань-Линь, в котором находится деревня, до последнего времени представлял собой малонаселенный край, покрытый джунглями и болотами. Немногочисленные жители вели натуральное хозяйство. В 1959 году правительство Нго Динь Дьема предложило крестьянам из Центрального Вьетнама переселиться сюда. Крестьяне много потрудились, чтобы превратить болота в рисовые поля. За освоение целины они получили вознаграждение и были освобождены на три года от уплаты налогов за землю. Сейчас в этом районе восемь деревень, население которых все время растет. Однако джунглей и болот вокруг еще достаточно. Около 60 процентов новых поселенцев — буддисты. То здесь, то там в деревнях попадаются небольшие буддийские храмы, которые мало чем отличаются от обычных жилых домов. 30 процентов здешнего населения — католики. У них над крыльцом деревянные кресты. Имеются также деревянные церкви. Живут в этом районе и национальные меньшинства. Главная забота всего населения — забота о пропитании. Поэтому в районе нет никакой религиозной вражды.

Примерно в пяти километрах к востоку от Бьен-Хоа — авиабазы, о которой много говорили в ноябре прошлого года, когда за одну ночь в результате нападения вьетконговцев там было уничтожено свыше 20 реактивных бомбардировщиков «Б-57», расположена деревня Тань-Хиеп.

Среди домов, которые я здесь посетил, был дом 50-летнего крестьянина Хьена в дальнем конце деревни. Когда я вошел в дом через низкую дверь, чуть-чуть не доставая головой до притоки, я ужаснулся. Тускло освещенная комната... Две кровати и небольшой стол у одного из двух окон...

Семья Хьена состоит из 10 человек: хозяин, его 68-летняя мать, семеро детей, самому старшему из которых 14 лет, и 38-летняя жена, ждущая нового ребенка.

Как могут эти 10 человек уместиться на двух кроватях? Как они могут все есть за небольшим столом, возле которого стоят лишь четыре стула? Как дырявая крыша выдерживает тропические ливни?..

Меня охватило гнетущее чувство, и, когда племянник Хьена по имени Бак пригласил меня зайти и к нему, я бросился на улицу чуть ли не бегом. Но дом Бака тоже не производил внушительного впечатления, хоть и был получше первого. Комната была примерно такого же размера, но тут в семье лишь трое детей: восьмилетняя дочь, пятилетний сын и девочка, которой чуть больше года.

— Есть ли у вас какие-либо сельскохозяйственные орудия? — спросил я Бака. Он пошел за дом и принес мотыгу в 15 сантиметров шириной и 30 сантиметров длиной из плохого железа. Один из зубьев погнулся. Мотыга была, очевидно, сделана местным кустарем. Бак пожаловался: «Она стоила 100 пиастров, а не прослужила и полгода». У Бака есть еще плуг со сломанным лемехом. А как насчет серпа? «Я убираю урожай руками», — сказал он просто...

Шесть лет назад его семья получила участок в 700 квадратных метров. Ежемесячные расходы составляют в среднем около 1750 пиастров. Вряд ли что остается для приобретения новой одежды. В лучшем случае семья может купить только какую-то одну вещь перед Новым годом...

Пока мы беседовали, начался дождь. Сразу с потолка потекло; капли падали мне на голову, на плечи — а я сидел на одной из кроватей. Над люлькой с ребенком жена Бака — Туй укрепила две соломенные шляпы. Но вода просочилась и сквозь них, и старшей дочери пришлось передвинуть люльку.

Эта обстановка действовала на меня угнетающе, и мне хотелось скорее закончить разговор, но я все-таки спросил: «Неужели правительство ничего не сделало для вас?» Бак ответил: «Дом, землю я купил сам. Единственное, что дали мне власти, — вот это», — и он показал мне листок бумаги — удостоверение личности. «Вы не состоите ни в каком сельскохозяйственном объединении, крестьянском кооперативе?» — продолжал я. На это он сказал: «Я ничего не знаю о таких вещах. Никто никогда не говорил мне о них».

Мой переводчик, сельскохозяйственный инспектор, пояснил: «Чтобы стать членом сельскохозяйственного объединения, надо заплатить вступительный взнос — 200 пиастров и 200 пиастров паевых. Я не думаю, что он когда-либо сможет это сделать».

К счастью, Бак и Туй не могут пожаловаться на здоровье. Но двое их малышей однажды заболели. Их забрали в государственную больницу в Бьен-Хоа. Лечение было бесплатным, но на лекарства ушло 25 пиастров. Бак показал мне два пузырька с какой-то микстурой.

Я заглянул в примыкающую к комнате кухню. На шатком столе три миски и одна тарелка. Два закопченных алюминиевых котелка на печурке, три сковородки, три пустые бутылки, две пустые консервные банки, три корзины, большой нож, две сервировочные банки, три корзинки, большая ложка, в них хозяева носят вонючие из-под бензина — в них хозяева несут вонючие для воды, два коромысла. В кухне лежала еще вязанка дров и кучка угольной крошки. Вот и все...